

Текст · 7 октября 2021, 12:53

Никита Сологуб,

Мы с первого класса вместе. Как полиция добилась показаний подростков на друга, чтобы посадить его на шесть лет

Семья Курьяновой — одна из самых зажиточных в деревне Ситцева Челябинской области. У Елизаветы есть магазин и кафетерий при нем — «Уралочка». Местные называют его «баром», хотя алкоголь там не продают. Вечером 6 декабря 2019 года бар закрыли для посторонних — там отмечал день рождения один из родственников Курьяновой.

Сын Елизаветы, 17-летний студент техникума Максим Каримов, праздновать со взрослыми не захотел. Вместо этого он попросил у матери ключи от деревянного гаража за баром.

С собой Максим позвал бывшего одноклассника Стаса Пьянкова — ему на следующий день исполнялось 18 лет, 14-летнего двоюродного брата Никиту Катышева и 15-летнего друга Володю Шалиманова.

Подростки взяли с собой немного пива. Пока взрослые отдыхали под шлягеры российской эстрады из новых колонок, подростки в гараже чинили мотоцикл и разговаривали.

Наутро по поселку разнеслась новость о смерти 30-летнего Андрея Наседкина. Год назад он вернулся

из соседнего городка после развода с женой и поселился у бабушки.

В ночь, когда в баре отмечали день рождения, Наседкин вышел из дома. Через пару часов он постучался к своей матери Марине — та жила отдельно в трехстах метрах от кафетерия.

Марина подумала, что ее сын пьян, и удивилась — у нее были проблемы с алкоголем, поэтому Андрей всегда приходил к ней трезвым. Она уложила Наседкина спать.

Наутро Марина стала будить сына, но тот уже не дышал. Позже эксперты скажут, что Наседкин умер от кровоизлияния в мозг, последовавшим за переломом височной кости и тупой закрытой черепно-мозговой травмы.

Кроме этих смертельно опасных травм, у погибшего обнаружили перелом ребра и массивные кровоизлияния в грудную клетку, кровоподтеки и ссадины на голове и колото-резаная рана на пальце правой руки.

По подсчетам экспертов, его как минимум девять раз ударили тупым предметом в голову, не менее семи — в грудь и порезали руку.

В смерти Наседкина почти через год обвинили^[1]

Максима Каримова — к этому моменту подростку уже исполнилось 18 лет.

А телефон его бывшего одноклассника Стаса Пьянкова, собиравшего мотоцикл вместе с Каримовым, стал разрываться от сообщений от близких Максима.

«Ну и что ты натворил, тебя совесть не мучает? Он же другом твоим был, а ты его за решетку ни за что. Ты наверно дома сидишь спишь в теплой кровати, питаешься хорошо, а максу пытаются как могут», — говорилось^[2] в одном из них.

«Козел его еще наз месяца закрыли из-за твоих ложных показаний, очкун сука, проститутка ментовская, друга предал. Фу ***** [таким быть]», — сообщалось во втором^[3].

«Что тебе сделал Макс? Зачем ты так с ним? Он ведь тебе доверял. За ложные показания идет статья. С рук тебе это не сойдет, бумеранг возвращается», — добавляла девушка^[4] Каримова в третьем.

«Ты что не понимаешь что тебя просто пугают? Как ты будешь жить после того, как его оправдают? А его оправдают!!!» — обещала еще одна родственница^[5] арестованного юноши.

Стас Пьянков сейчас служит в армии^[6] где-то на границе с Украиной.

Максима Каримова 4 октября приговорили^[7] к шести годам^[8] общего режима.

В ожидании

В начале 2000-х Марину, мать Андрея Наседкина, лишили родительских прав и разлучили с четырьмя сыновьями. Опека отправила их в детский дом.

После совершеннолетия Андрей покинул детдом, встретил девушку, через два года они поженились. Еще через восемь лет брак распался, и Наседкин, оставив двоих детей, вернулся из города Сатка в родную деревню к бабушке Валентине Александровне.

Пенсионерке Андрей пообещал, что нахлебником не будет, отказывать ему она не стала.

Все лето 2019-го Наседкин ездил на работу вахтовиком, но в сентябре перестал — бабушке он рассказывал, что у работодателя какие-то проблемы. Он стал чаще пить — уходил в запой на несколько дней, а бывало и на неделю.

Но последние три дня своей жизни Наседкин не пил.

Всю ночь накануне гибели он каждый час^[9] — с четырех до семи — пытался дозвониться до своего брата Константина. Тот трубку не брал.

Утром Андрей собрал грязную одежду и отнес матери — постирать. Ей он сказал, что ждет приезда брата. Женщина удивилась: Константин работает в Екатеринбурге в 200 километрах от Ситцева и в тот день возвращаться не собирался.

Через пару часов, около 15:00, Наседкин вернулся развесить стиранные матерью вещи и снова ушел,

когда уже вечерело. В это время ему удалось дозвониться до брата. Они говорили четыре минуты. Константин вспоминал^[10], что Андрей что-то говорил про материнский капитал, который он хотел обналичить, оформив продажу дома их дяди.

«Звонит, здорово-здорово, че делаешь — говорю, работаю. Потом про дом он че-то начал говорить. "Вы, — говорит, — все знаете". "Че знаем?". "Вот мы просто хотели капитал вытащить". А я вообще первый раз про это слышу. Говорю: "Знать не знаю". А у него еще голос такой встревоженный. Я говорю: "Ты пьяный что ли?". Он: "Да конечно, я всегда у вас пьяный...". А потом механики позвали работать, я ему говорю: "Потом позвоню, некогда"», — вспоминал он.

Перезвонить брату Константин не смог. Вернувшись домой, Наседкин пошел мыть руки — как показалось бабушке, от крови. На ее вопрос он ответил странно: «У меня ничего не получилось».

Подумав, что внук хотел порезать себе вены, на всякий случай она убрала из дома все ножи и лезвия. На плиту Валентина Александровна поставила кастрюлю с пельменями.

Еще больше Наседкин встревожил бабушку, когда стал выглядывать в окно, приговаривая: «Костя, заходи!». Машины во дворе не было.

В этот момент, по словам бабушки, Наседкину кто-то позвонил. На допросе Валентина Александровна уверяла, что слышала из трубки мужской голос. Она вспоминала отдельные фразы внука в ответ: «Сергей,

вы меня выслушайте, почему вы меня не хотите выслушать, я вам все объясню»; «Нет, я не пьяный, я нахожусь дома»; «Не звоните мне больше». Закончив разговор, Наседкин с силой кинул телефон на пол и разбил — поэтому брат и не смог дозвониться.

Успокоившись, Наседкин сел у печи, покурил, выпил чай. Объяснять, что случилось, он отказался. Пенсионерка села смотреть телевизор. Тем временем внук закрыл входную дверь изнутри на крючок, затем взял молоток и стал заколачивать крючок в дверной короб еще сильнее.

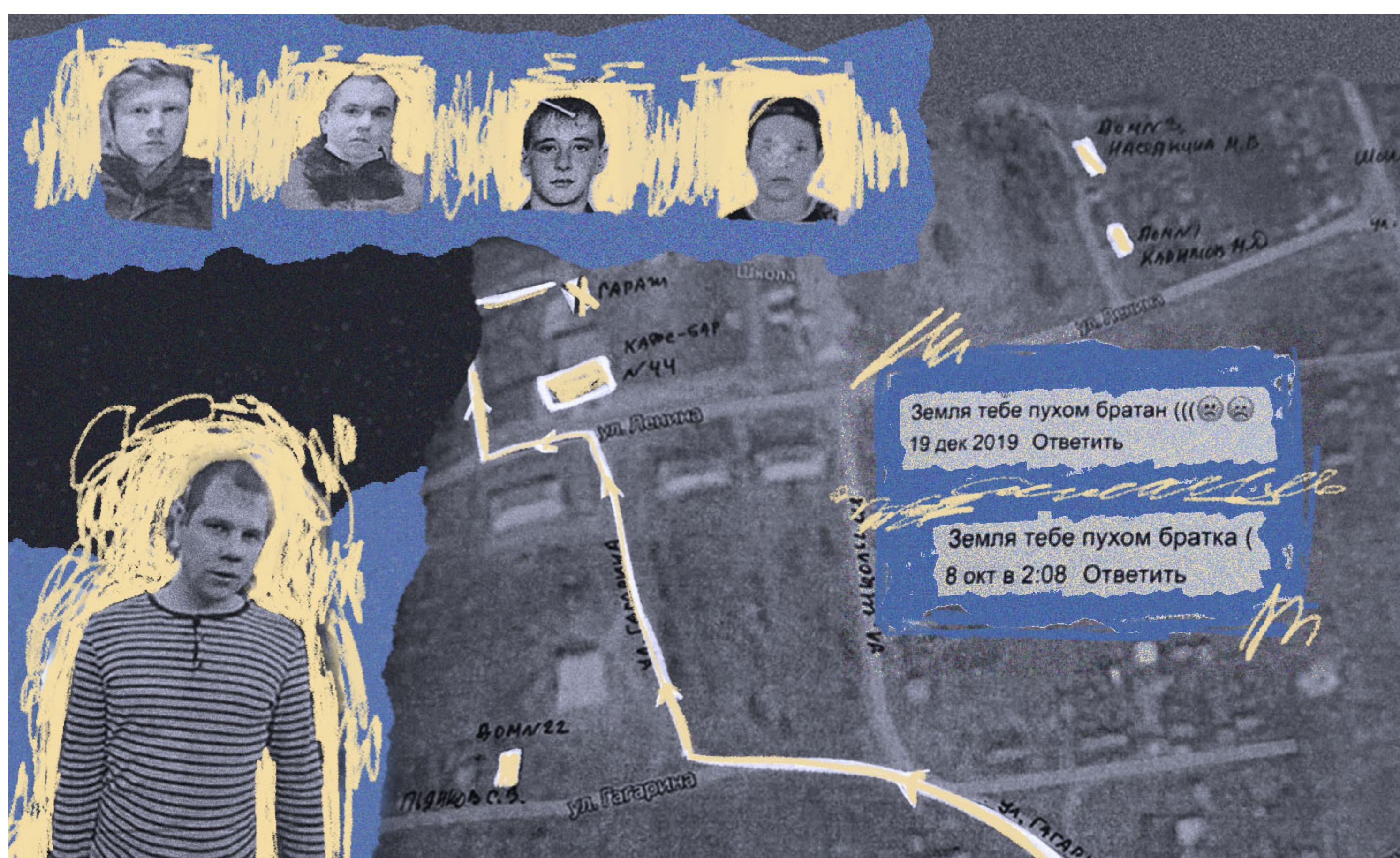
«И с этим молотком стоит у дверей. Я сначала не подумала, а он говорит: "Заходите, заходите, чего боитесь-то?". Смотрю так — вроде никого нет. Началось, видать, в голове что-то. И я напугалась — молоток-то в руках, дверь закрыта. Потом он успокоился, сел курить. Курил-курил, потом говорит: "Бабуля, в какую же я попал в ситуацию!". А я в шутку: что, невесту чью увел? И он ничего не ответил», — рассказывала бабушка судье.

«Потом он, видимо, мысли мои понял, что с ним что-то не то, и говорит: "Что вы, хотите в дурдом меня сдать? Да это вас всех надо отправить!". Ну, я ничего не отвечаю. Он одевается. Спрашиваю, куда идет, там темно ведь уже? Ты, говорю, только в бар не заходи. "Нет, говорит, в ту сторону не пойду". Когда он уходил, он уже был достаточно спокойный», — уверяла Валентина Александровна.

«Это у него такое первый раз. После этого звонка у него это все началось», — рассуждала она.

Хотя бабушка до сих пор уверена, что разговор внука с Сергеем был, в биллинге Наседкина никаких соединений с посторонними нет — только с братом и матерью.

Из судмедэкспертизы, показаний матери и бабушки, которые настояли, что периодически посматривали на часы, следствие пришло к выводу, что смертельную травму Наседкин получил в промежутке между 00:30 и 2:00.

На фото сверху: Шалиманов, Пьянков, Каримов, Катышев. Снизу Наседкин.
Иллюстрация: Арина Истомина / Медиазона

Полиграф

Эксперты обследовали тело и одежду погибшего Наседкина, но следствию их выводы ничем не помогли. Следователь^[11] Сергей Постников приказал полицейским обойти всю деревню. Наседкина все местные знали, но ничего интересного про него не рассказали.

Вскоре оперативники зашли и в дом Курьяновой. Евгений Кочнев, муж Екатерины и отчим Максима

говорил, что ушел домой из бара незадолго до полуночи, когда младшая дочь захотела спать. Максим вернулся из гаража раньше него — подросток лежал с телефоном на кровати, уверял Кочнев.

Отчим Каримова согласился на полиграф. Кочнев думал, что на этом все закончится, но полицейские стали возить на допросы его дочь, жену и других родственников.

Исследование на полиграфе прошло через пару месяцев — не очень удачно. Кочнев объясняет, что и так был раздражен: неуместное внимание полицейских к его семье и долгая дорога аж до самого Кыштыма, с разворотом за полиграфисткой, которая жила в соседнем городе, вывели его из себя.

Полиграфистка, вспоминает Кочнев, стала задавать ему «каверзные вопросы по личным делам», «вообще не относящиеся к этому делу». Когда эксперт спросила, мог ли быть причастным к смерти Наседкина пасынок Кочнева, тот рассердился еще сильнее, потребовал прервать исследование, но после успокоился и ответил на вопросы до конца.

Какие реакции учел полиграфолог, Кочнев так и не узнал — с результатами его не ознакомили, а к делу исследование не подшили.

И только через год с лишним, когда Максим уже был под арестом, в деле появилась справка из полиции. В ней говорилось, что в предтестовой беседе Кочнев «вел себя беспокойно», «негативно отреагировал на вопросы, касающиеся причастности к преступлению Каримова», а «при обсуждении

значимых с оперативной точки зрения вопросов проявил признаки эмоциональной напряженности».

На «беседу»^[12] и полиграф вызвали и Максима — в конце апреля, через месяц после его совершеннолетия. Занимался «беседой» и в дальнейшем руководил подобными мероприятиями по этому уголовному делу Артем Салтыков — 27-летний полицейский, вступивший в должность начальника уголовного розыска по Нязепетровскому району в том же месяце.

Когда Максима увезли — около десяти утра 29 апреля — дома был его отчим. Узнав об этом, мать юноши стала звонить Салтыкову. Полицейский посоветовал не волноваться и пообещал, что ничего с ее сыном не случится. Вернули Максима в Ситцева позже полуночи. Курьянова ждала у окна, чтобы снять оперативников на камеру телефона, но те высадили подростка не у дома, а на соседней улице.

«Он молчал долго, потом спрашивает: "Мам, а вот полиграф — он показывает правду?". Я: "Думаю, ну да, правду". "А они мне сказали, что полиграф показал, что я вру. Я им сказал, что такого не может быть, предложил еще раз пройти, а они сказали, что во второй раз нельзя". До полиграфа, говорит, с ним шесть часов проводили эту беседу, не прекращая с ним работали четыре сотрудника, бесконечно орали в уши. И только после этой беседы, полиграфа и начавшегося только после десяти вечера допроса его увезли домой», — вспоминает Курьянова. Максим был подавлен и даже есть не стал, добавляет отчим молодого человека.

На этом допросе Каримова допрашивали как свидетеля. Максим рассказал, что в гараже за ремонтом мотоцикла никто не пил — хотя во всех последующих показаниях подростки признаются, что выпили три-четыре литра пива — а разошлись друзья после 22:00, за несколько часов до того, как, по версии обвинения, получил травмы Наседкин.

Как и у его отчима, самого исследования на полиграфе в деле нет, только подписанная Салтыковым справка о результатах. В ней написано, что проверочные вопросы вызвали у подростка «сильный уровень стресса» и были «высоко значимыми».

Начальник угрозыска сделал вывод: «Каримов Максим обладает виновными знаниями по факту данной проверки и сознательно искажает показания».

«Не-важно»

Еще за месяц до проверки Максима Каримова и его отчима на полиграфе следователь проверял более очевидные версии, чем избиение до смерти трезвого-^[13] 30-летнего мужчины 17-летним подростком. Все знакомые и родственники Наседкина говорили, что денег у него почти не было: иногда он брал микрозаймы, а у родственников — даже мелочь на сигареты.

Бывшая жена Наседкина Наталья Бурова рассказала следствию, что ее муж часто хвастался связями «в тюрьме». В то время как раз отбывал наказание друг Андрея по детскому дому Сергей Иванов по прозвищу

Мятый, поэтому Бурова решила, что «связи» — это он и есть.

Про Иванова вспомнил и другой молодой человек, старший брат Никиты Катышева и двоюродный брат Максима Станислав.

Станислав вспомнил, что однажды осенью 2019 года пришел в гости к своему приятелю. Там уже были Наседкин, Мятый и его друг, незнакомый Катышеву. Этот незнакомец стал спрашивать у Станислава, кто «занимается наркотиками» в Ситцеве. Молодой человек в ответ спросил, «не мусорской ли он».

Незнакомец пожаловался Мятому, тот ударил Катышева по лицу и уже собирался продолжить, но за него заступился Наседкин. Вместо избиения Станислава «поставили на деньги»: Мятый счел вопрос оскорбительным и потребовал для своего приятеля 12 тысяч рублей компенсации. Передать «долг» молодой человек должен был через Наседкина, за это ему полагались 2 тысячи рублей «комиссионных».

Денег у Станислава не было, поэтому он обратился за советом к своему знакомому Дмитрию Отставному. Тот предложил пока не отдавать «долг» и попросил уточнить, где сидел Мятый. За несколько недель до смерти Наседкина Отставной и Катышев созванивались. По словам Катышева, приятель предлагал ему «найти и избить Наседкина, чтобы проучить его, чтобы он и Иванов не вымогали деньги». Станислав решил, что сумма того не стоит и больше они эту тему не обсуждали.

В деле сохранилась и переписка Станислава с Дмитрием Отставновым.

— Так надо узнать кто он, — предлагает знакомый.

— Да **** [зачем] он нужен, — отвечает Катышев.

— А этого андюшу [Наседкина] придти и ***** [ударить] чтоб потом под себя ходтл. Как ***** [зачем] нужен че у тебя много бабок чтоб отдавать, — настаивает Отставной.

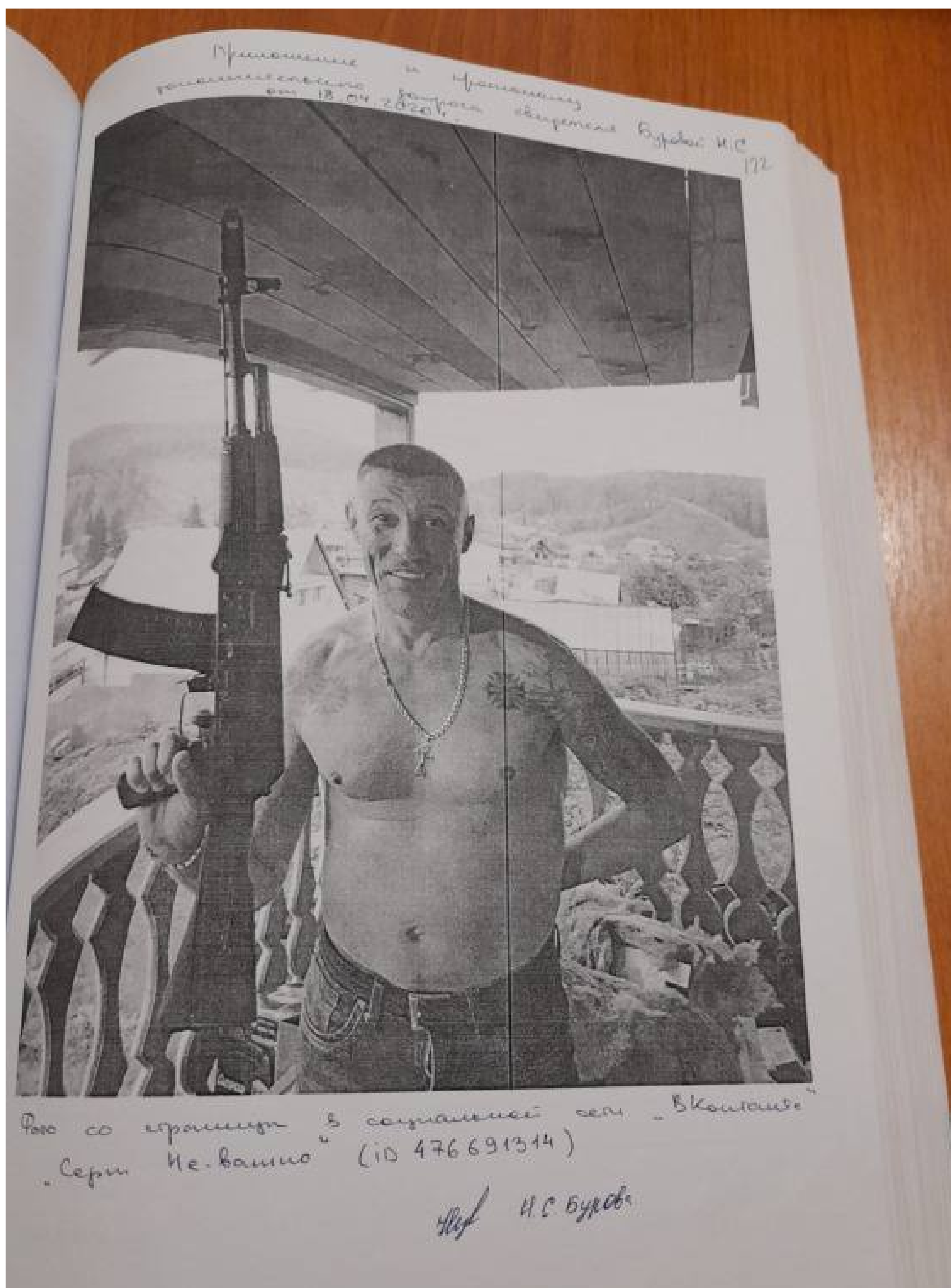
— А с чего ты взял что я собираюсь отдавать, — парирует Катышев.

Дмитрия Отставного следствие искать не стало. У Мятого как человека из близкого круга общения Наседкина взяли биологические образцы, но на причастность к преступлению они не указали. В суде его об этом не допрашивали, однако Мятый вспомнил, как Наседкин якобы рассказывал, что должен 300 тысяч рублей какому-то человеку из города Сатки — не поясняя, за что.

Человек из Сатки в деле действительно есть. Бывшая жена Наседкина на допросе вспомнила, что незадолго до развода Андрей рассказывал о каком-то местном жителе по имени Сергей, его друге — женщина знала лишь, что у того есть семья, квартира, дача, машина *Volvo* и собака.

Уже после развода свидетельница увидела у Наседкина на странице «ВКонтакте» фотографию мужчины с татуировкой в виде звезд на груди, которая вела на страницы аккаунта «Серж Не-важно».

«Когда я спросила у Андрея о том, кто это такой, он сказал, чтобы я не спрашивала лишнего, после чего удалил меня из списка своих друзей в социальной сети», — вспоминала она. Скриншот со страницы Наседкина она приложила к допросу.

Скриншот фотографии «Сержа Не-важно» со страницы в VK. Фото: из материалов дела

«Сержем Не-важно» оказался 56-летний житель Сатки Сергей Половинкин. До 2013-го он отбывал 11-летний срок за причинение тяжких телесных

повреждений, повлекших смерть — то есть по той же статье, по которой стал обвиняемым подросток Максим Каримов.

Несмотря на то, что какой-то Сергей упоминался в показаниях свидетелей часто — был ли звонок на телефон Наседкина вечером перед смертью или не был, но бабушка погибшего вспоминала, что внук в страхе произносил именно это имя — допросили его только на одиннадцатый месяц следствия, в октябре 2020-го.

Половинкин рассказал, что иногда таксует, а официальной работы у него нет, и с Наседкиным он был знаком шапочно.

В тот же день, когда Половинкин наконец был допрошен, начальник угрозыска Салтыков написал очередной рапорт — о том, что полиграф не установил причастность «Сержа Не-важно» к смерти Наседкина.

Беседы и не только

Каримову и его родственникам больше полугода казалось, что полицейским они больше неинтересны. Но летом оперативники решили поработать с Никитой Катышевым, двоюродным братом Максима — 15-летним подростком с диагнозом задержка речевого развития, дважды остававшимся на второй год в седьмом классе.

Подросток рассказывал, что начальник угрозыска Салтыков несколько раз встречался с ним и его

старшим братом Станиславом, требуя рассказать об убийстве.

17 ноября 2020-го всех четверых, кто был в тот вечер в гараже и их матерей, допросили как свидетелей. За Катышевыми полицейские приехали в восемь утра. Сначала с Никитой провели полиграф-^[14], потом завели в кабинет, а мать попросили подождать в коридоре. Вера Катышева вспоминает, что слышала, как полицейские разговаривали с сыном «на повышенных тонах».

Женщина дежурила перед запертым на ключ кабинетом, периодически из него выходили одни полицейские и заходили другие. В такие моменты она пыталась прорваться к сыну, но начальник угрозыска Салтыков разворачивал и оттеснял ее обратно в коридор. К вечеру Вера Катышева дозвонилась до прокуратуры: там ответили, что обращения рассматриваются только в письменном виде.

Вместе с Катышевой ждали окончания «беседы» оперативников с сыновьями и матери Пьянкова, Каримова и Шалиманова^[15]. Привезли и отчима Каримова, Евгения Кочнева; он взял 51-ю статью^[16], отказался от повторного прохождения полиграфа и вместе с пасынком сдал образцы слюны и ногтей.

«Мать Пьянкова там все ходила, плакала — сколько это может продолжаться? А я, когда выходил покурить, видел в окошко, что Пьянков проходит полиграф. Говорю ей: "Наташ, да успокойся, выйди да посмотри". А она все плачет ходит», — вспоминает он.

Никита Катышев вышел с «беседы» около восьми часов вечера. «Все это время Салтыков и двое других оперативников на меня кричали, то говорили, что должен сказать, что это мы его убили, то — что я должен сказать, что видел, как Макс вместе с дядей Женей [Кочневым] его убивали. Но этого всего не было, поэтому я так не сказал», — вспоминал он позже в суде.

«Когда Никита вышел, он был очень напуган, — добавлял его старший брат, который тоже подъехал в отдел полиции. — Да он аж говорить не мог, чуть слезы не бежали. Потом, когда успокоился, вот по поводу Максима, говорит, его допрашивали. Я его спросил — допрашивали о чем? Он ничего говорить не стал».

Когда многочасовые «беседы» закончились, следователь провел уже официальные допросы. В протоколах подростки рассказали почти одно и то же — в гараже они были не дольше, чем до 23-х часов, а Наседкина не видели. Что дети вернулись за час до полуночи, подтвердили и их матери. Ближе к ночи всех ситцевчан отпустили из полиции.

Спокойствие было недолгим.

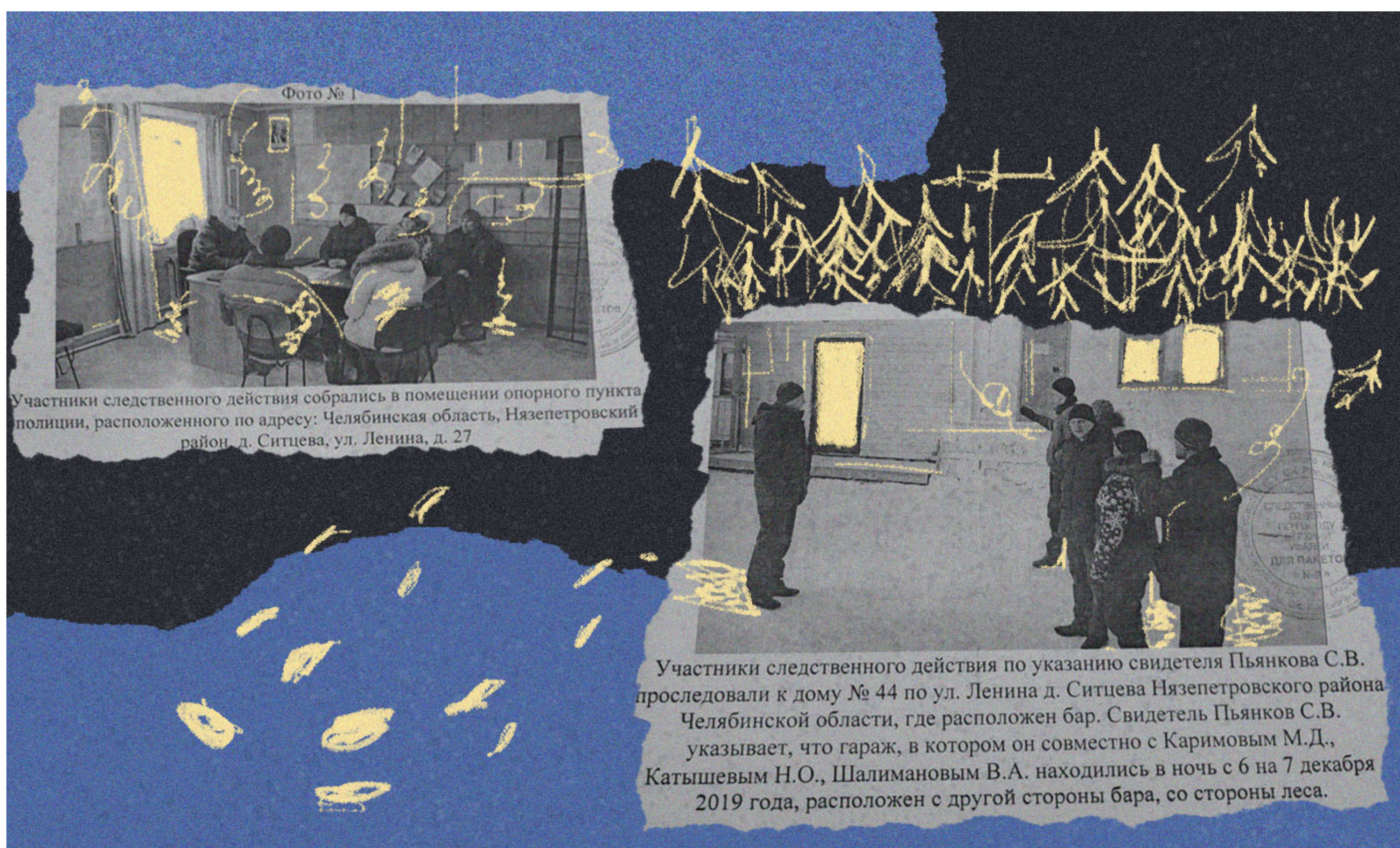

Иллюстрация: Арина Истомина / Медиазона

Облава

Ранним утром 25 ноября, чуть больше, чем через неделю после первых допросов, по Ситцеву начали сновать полицейские машины.

За Володей Шалимановым полицейские заехали в пять утра. За Катышевым, который в тот момент был у бабушки, чуть позже пришли двое оперативников в масках.

К Пьянковым в семь утра пришли с обыском: мать вспоминает, что было с десяток силовиков, четверо из них вооружены автоматами и в масках, вероятно — бойцы ОМОН.

У дома Каримовых полицейских собралось еще больше. Примерно в это же время дверь им открыл Кочнев. «Я открыл и сразу повернулся, потому что у меня спит ребенок маленький в другой комнате. И мне сразу удар промеж ног и два удара в спину,

прикладом, видимо. Прошел обыск в доме, весь обыск я простоял в трусах», — вспоминает ^[17] он.

Как и в прошлый раз, перед допросами у следователя СК оперативники провели в здании полиции в Нязепетровске многочасовые беседы со свидетелями. Матери рассказывают, что разговоры не под протокол шли параллельно в отдельных кабинетах, а оперативники сновали из одного в другой. В какой-то момент возмущенная мать Шалиманова, которого из дома увезли раньше всех, потребовала выпустить ее и других родителей в магазин за едой и водой. Полицейские согласились, но это была хитрость — обратно матерей уже не пустили, и окончания «бесед» они ждали в соседнем корпусе.

«Выпустили только вечером, когда дети дали показания, которые им нужны. Вовка позвонил, спросил, где я. Я пришла, уже протокол был составлен без меня, уже подписан Вовкой. Я стала говорить, что ничего подписывать не буду», — рассказывает Шалиманова^[18].

«Они сразу стали спрашивать — показания давать будешь? А я ведь уже давал, поэтому не понял сначала, — вспоминает сам 16-летний Володя. — Оказалось, что им нужны какие-то другие показания, что я знаю что-то насчет убийства, но недоговариваю. Они кричали на меня матом, угрожали, не физически там избить, а вообще проблемами, что меня там за дачу ложных показаний посадят, например, и что либо Максим сейчас один уйдет в наручниках, либо вместе со мной. Их было очень много, и все орали. Уже часов шесть прошло, я не мог чисто физически держаться,

я не ел, только кофе с утра попил, ни воды они не давали, в туалет не выпускали, вставать со стула тоже не давали. Я понимал, что если я сейчас не подпишу, то я еще столько же просижу. Что они не шутят. И когда мама пришла и мне телефон вернули, я ей на экране написал — "просто подпиши". Потому что боялся, что иначе не отпустят».

Никита Катышев говорит, что, когда он повторил свою версию событий накануне гибели Наседкина полицейским, те стали угрожать, что натравят на него собаку, а потом пообещали, что подросток «уедет на 15 лет», и показали камеры для административно задержанных.

«Причем они говорили такие вещи, типа что Наседкин зашел в гараж за сигаретой и спросил ее у Максима, хотя Максим вообще не курил. И это я должен был запомнить, а потом так сказать на допросе у следователя, иначе меня бы привлекли за дачу показаний ложных», — вспоминает он.

Связаться с Пьянковым из-за службы в армии «Медиазоне» не удалось, но его мать Наталья — единственная, кто не видит в многочасовых «беседах» полицейских с подростками ничего ненормального.

При этом Пьянкова первая вызвала адвоката. «Я просто испугалась всего вот этого. Я думала, мы просто не справимся. А раз потом Стас рассказал все, как это было на самом деле — я же, блин, не ожидала такого, что наши дети могут быть где-то в чем-то замешаны!» — объясняет она сейчас.

«Мне Стас говорил, что просто беседовали с ним. Я ему верю. Что никакого давления, что придет один сначала поговорит, потом другой поговорит. Весь день его так допрашивали, а потом меня уже вызвали и спросили — ну че, допрашиваться будем? Мы зашли туда к следователю с адвокатом, следователь спрашивает — есть что добавить к предыдущим показаниям? И Стас сам говорит — да, есть», — добавляет мать свидетеля.

Каримова и его отчима Кочнева с допросов вывели уже в наручниках.

Нужные показания

На допросах 25 числа друзья Каримова на разный лад рассказали одну и ту же новую версию вечера в гараже, а потом подтвердили ее на очных ставках и проверках показаний на месте на следующий день. Сейчас все они, кроме Пьянкова, настаивают — детали, добавленные к их первоначальным показаниям и в дальнейшем позволившие обвинить Максима, выдумали оперативники, они же и заставили подростков пересказать их следователю.

В показаниях семиклассника Катышева говорится, что Каримов выходил из гаража на 10-15 минут. Девятиклассник Шалиманов уверен — его друг отсутствовал ровно 15 минут. Ученик второго курса колледжа Пьянков посчитал, что Максима не было полчаса.

Катышев говорил, что Каримов выходил на улицу вместе с Пьянковым, который тут же вернулся, справив нужду. Максим же по возвращению был

«растерянным и грустным», с порванной курткой, но на вопрос двоюродного брата нецензурно послал его.

Шалиманов сказал, что Каримов вышел по просьбе Наседкина, который позвал его покурить, а вернулся в «возбужденном состоянии» с разбитыми на правой руке костяшками. «Задолбали не отдавать долги», — якобы произнес он и рассказал друзьям, что Наседкин должен был денег в кассу бара, поэтому они с отчимом вместе избили его.

По версии Пьянкова, о драке Каримов не стал рассказывать всем, а отозвал бывшего одноклассника в сторону, к печи. Там он нашептал на ухо, что «подрался с Наседкиным», тот «от удара упал на землю», после чего юноша несколько раз пнул мужчину ногой. Пьянков посоветовал другу не говорить о случившемся остальным.

Катышев на допросе сказал, что пришел домой около 23:00. У Шалиманова время, в которое друзья покинули гараж, следователь и вовсе не спросил. Пьянков заверил, что было 01:30.

Спросил следователь и о событиях следующего дня. Катышев сказал, что проснулся около девяти утра и пошел к Каримову, хотя тот и не просил его об этом. Здороваясь, двоюродный брат отдернул руку, и гость заметил ссадину на его ладони. Кроме него, там был Пьянков, который, согласно допросу, сказал Катышеву, чтобы он «забыл вчерашний день». Потом Катышев, Каримов и Кочнев поехали в соседний город Верхний Уфалей сдавать металлолом — на обратном пути отчиму Максима позвонил местный участковый и рассказал, что Наседкин погиб.

Шалиманов, согласно допросу, узнал о смерти Наседкина наутро от матери. В 11:30, говорится в протоколе, ему пришла смска от Каримова с просьбой прийти к нему домой. Кроме него, там уже были Пьянков и Катышев. Каримов попросил не упоминать при полиции, что Наседкин приходил в гараж.

Пьянков утверждал, что Каримов «либо позвонил ему, либо скинул СМС». Когда он пришел, все остальные уже были в сборе. Каримов, говорится в протоколе, попросил присутствующих не говорить никому о том, что в гараже они находились до 01:30 — друзья решили сдвинуть это время до 23:00.

Через несколько недель Шалиманов и Катышев отказались от своих показаний, пояснив, что дали их под давлением. Пьянков же говорил со следователем еще несколько раз — и на каждом допросе его показания обрастали подробностями.

Вероятно, больше всего следователя смущали нестройные объяснения подростков, как они наутро оказались дома у Каримова — звонки и сообщения исключались, их не было в детализации, соцсетях и мессенджерах детей. Поэтому на последних допросах Пьянков стал говорить, что Каримов попросил зайти к нему утром, когда ребята расходились по домам после посиделки в гараже.

Кочнева отпустили из ИВС через пять дней после задержания — суд не удовлетворил ходатайство об аресте, сославшись на то, что ни один из свидетелей не указывал на причастность мужчины к смерти Наседкина.

А Максима Каримова поместили в СИЗО.

Улики

В деле, построенном на показаниях подростков, все еще не доставало вещественных доказательств: на одежде Наседкина нашлись лишь его собственные следы крови, эпителия и ДНК. Биллинг тоже не помог, ни с кем из семьи Максима погибший никогда не созванивался.

В гараже при обыске оперативники нашли на стене кровь и взяли с собой куски запачканной ей древесины — но оказалось, что это кровь самого Каримова.

Хотя обыск в гараже прошел почти через год после смерти Наседкина, в обвинительном заключении следователь указал: «Кровь Каримова могла остаться в гараже ночью 7 декабря 2019 года после конфликта с потерпевшим, так как это согласуется с показаниями Шалиманова, который указал, что Каримов вернулся в гараж со сбитыми костяшками».

Родители Каримова объясняют: Максим серьезно увлекался техникой и неоднократно получал травмы при ее ремонте, а за несколько месяцев до обыска даже содрал себе ноготь.

«Думаю ни один адекватный судья не сочтет это доказательством. Вчерашняя это кровь, или три года назад она появилась, никто не установил ведь. Никто не подтвердил тот факт, что это именно кровь с того дня. Я понимаю, если бы это была кровь Наседкина, но это, блин, кровь собственника гаража, почему она

там не может быть?» — поражался адвокат Каримова Илкин Амиров за несколько дней до приговора.

Еще одним доказательством стала экспертиза, которая установила, что микрочастицы волокон с куртки Наседкина имеют «общую родовую принадлежность» с волокнами, которые входят в состав меха куртки Кочнева. Отчим Каримова парирует — в деревне все ходят в куртках с одной фабрики, потому что в округе есть только один магазин одежды. «Даже если принять как факт, что на Наседкине были найдены волокна из куртки именно Кочнева, то причем тут Каримов вообще? Ведь в отношении Кочнева уголовное преследование прекращено, а Максим в его куртке не ходил, он в своей куртке был, которая тоже была изъята», — объясняет адвокат.

Включил в обвинительное заключение следователь и фрагменты переписки Каримова «ВКонтакте». Так, после полуночи 30 апреля, вскоре после окончания допроса в качестве свидетеля, он написал Пьянкову: «Срочно нужно в 10 встретиться». А 16 ноября, накануне новых допросов, Шалиманов, получив повестку, спросил у Каримова, «не приезжали ли к нему менты».

— Меня завтра тоже везут в нязе[петровск], — писал школьник.

— Приедут за тобой? — спрашивал Каримов.

— Да.

— Насчет наседкина.

— Аааа. Боже. Понял. Я помню что говорить.

— Почаще говори что не помнишь ничего, тип давно было.

— Ок ок.

— В 11 часу дома были уже.

— Понял. <...> А в гараже что делали?

— Двигатель от мотоцикла.

В суде прокурор спросил у Шалиманова, зачем тот задавал эти вопросы. Подросток ответил просто: он не помнил, что именно делал в гараже, потому что прошло много времени, и решил спросить у Каримова, зная, что того уже допрашивали.

Чтобы придать значимости своей версии о том, что весивший не больше 55 килограммов-^[19] подросток мог своими силами забить до

смерти коренастого 30-летнего мужчину, следователь включил в обвинительное заключение показания тренера^[20] военно-патриотического клуба при школе и друга Максима^[21] по техникуму с черным поясом по джиу-джитсу.

В них говорилось, что Каримов, несмотря на возраст, был хорошо развит физически, участвовал в соревнованиях и изучал «основы самообороны».

Когда этих свидетелей вызвали в суд, те сами рассмеялись над намеками прокурора на боевые

умения подростка. «Тренер прям сказал: "Вы че, прикалываетесь? Мы просто бегаем, полоса препятствий и все такое, строевая подготовка, какие боевые приемы?"» — вспоминает адвокат Амиров.

Доводы следствия на этом исчерпывались.

Оставшиеся пробелы в обвинительном заключении следователь просто интерпретировал от себя, вставив в документ собственную речь и выделив ее курсивом. Так, странное поведение Наседкина, который накануне гибели разбил телефон после разговора с «Сергей», он объяснил «белочкой» — хотя потерпевший не пил как минимум три дня, активно передвигался по Ситцеву и нормально взаимодействовал с местными, а в его крови следов каких-либо психоактивных веществ найдено не было.

«Из [материалов дела] следует, что неадекватное (тревожное) поведение <...> явилось, вероятнее всего следствием длительного употребления спиртного ранее, и не связано с тем, что ему кто-то угрожал. Так, бабушка Наседкина подумала, что он бредит, "поймал белочку"», — написал он.

При этом следователь не стал вызывать эксперта-токсиколога, который бы пояснил, возможен ли вообще подобный психоз в этих условиях.

Другие неоднозначные места в СК просто проигнорировали.

Нестыковки

Помимо нанесения смертельных травм, Каримову вменяют, что он «вооружился» неустановленным предметом с плоским клинком и ударил Наседкина не менее одного раза в правую кисть — эксперты обнаружили у погибшего порез на руке. Но ни один свидетель ни о каком оружии не говорил — да его никто и не искал, соответствующих поручений оперативникам в деле обнаружить не удалось.

Каримов и Кочнев с самого начала уверяли, что утром после гибели Наседкина не участвовали в общем сборе свидетелей во дворе их дома, а вместе с Катышевым ездили в Верхний Уфалей, сдавали алюминий в пункт цветного металла и переоформляли машину отчима на пасынка. Пьянков в суде утверждал, что все было иначе: он пришел к другу около полудня и там уже был Кочнев, который приказал подросткам «забыть про этот день».

Эта версия расходится с биллингом отчима — в 11:57 он пытался звонить участковому из Верхнего Уфалея в получасе езды от Ситцева. А вот телефон самого Пьянкова в 11:32 и 13:25 был зарегистрирован в Озерске в двух часах езды от деревни — сначала ему пыталась дозвониться мать, потом Каримов. Включать этот биллинг в обвинительное заключение или спрашивать о нем Пьянкова следователь не стал. Мать Станислава не считает этот биллинг важным. «У него вечером был день рождения, он дома был, никуда не ездил. И вообще, Озерск закрытый город^[22], как он туда попадет? Зачем туда ехать?» — не верит она.

Именно из-за дня рождения Пьянкова у защиты появилось доказательство, которое, по мнению адвоката Амирова, указывает на то, что свидетели вралі. Это видео, снятое не упомянутым в деле молодым человеком, проснувшимся раньше всех.

Снимающий сначала направляет камеру на Катышева — тот спит на полу, смешно зажав верхнюю губу между пальцами. Потом в кадре оказывается кровать с грудой храпящих тел на ней: сверху Пьянков, под ним Каримов, а еще ниже погребен неизвестный. При этом отчетливо видна кисть правой руки Максима — именно на ней, по показаниям Шалиманова, были сбиты «костяшки», кровь с которых, по словам следователя, оказалась на стене гаража и была изъята при обыске. Повреждений на руке на видео нет.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Один из главных вопросов — во сколько дети вернулись домой, до того, как Наседкин получил травмы, или после? Ответ на него можно было получить с помощью записей камер видеонаблюдения. В обвинительном заключении видеонаблюдение вовсе не упоминается — хотя две камеры, установленные на ситцевской школе, должны быть направлены на дорогу и перекресток, где прощались подростки.

Оперативники просматривали камеры в школе и копировали записи себе на флешку вскоре после гибели Наседкина. К делу их не приобщили, защита их не видела. «Следователь не приобщил

их, сославшись на то, что там не видно ничего, потом он в суде то же самое сказал. Что запись была плохая, видимость плохая, поэтому удалили. То есть одно из доказательств просто уничтожено было», — объясняет адвокат Амиров.

Осенью 2020-го оперативники забрали жесткий диск, на который записываются файлы с камер, рассказывает завхоз школы Наталья Горлова. Хранятся записи только месяц, объясняет она, но оперативники сказали, что у них есть специалист, который может попытаться восстановить файлы.

Горлова говорит, что единственный, кто мог видеть записи, когда оперативники копировали их на флешку — муж директрисы школы Ольги Нуреевой, Нуреев Ринат. Когда с ним встретила мать Каримова, тот, по ее словам, сказал, что на запись внимания не обращал, а оперативники листали ее самостоятельно. Связаться с Нуреевым «Медиазоне» не удалось — на звонки на мобильный он не отвечает, в школу не приходит из-за карантина, в мессенджере молчит.

Деньги

Каримов просил о процессе с участием присяжных, но ему отказали, ведь на момент преступления подсудимому не исполнилось 18 лет.

На процессе Пьянков читал свои показания с бумаги. Уходящая из бара поздно тетя Каримова^[23] говорила, что ворота гаража были закрыты, бабушка Катышева вспомнила, как около 23:00 слышала, как внук открывает дверь. Но Пьянков и в суде настаивал — домой все пошли после часу ночи.

— Зачем ты вот? Что я такого сделал, чтобы меня оговаривать? Ты посиди, просто подумай, где я нахожусь, и где ты! — обращался Каримов к другу. Тот ничего не ответил. На процессе он появился лишь однажды и больше не приходил.

За время следствия и суда семья Каримова, по подсчетам его матери Елизаветы Курьяновой, потратила на помощь сыну более двух миллионов рублей, из них 380 тысяч в кредит, остальное — помощь или займы от родственников.

Значительная часть денег ушла впустую. Например, 50 тысяч Курьянова отдала двум адвокатам^[24] из Челябинска, которые обещали «порешать» вопрос с Максимом с «высокими людьми».

«Конечно, ничего этого не было, — смеется Курьянова. — Они приехали, тут же уехали, а потом сказали: "Ой, у вас там бесполезно, уже Москва в курсе, мы уже

ничего сами сделать не можем". А деньги не вернули, потому что типа они и выезжали, и дело изучали — при этом они на элементарные вопросы ответить не могли, фамилии свидетелей не знали даже, то есть явно его не открывали. Зачем я мошенникам столько отдала — непонятно».

Еще немало денег ушло на два видеофильма на ютуб-канале «Судебный репортер». На этих роликах крупный мужчина, обвешанный пресс-картами и в жилете для прессы ходит по Ситцева и общается с родственниками и друзьями Каримова.

Хотя словосочетание «журналистское расследование» он произносит десятки раз, материал однобокий: в нем транслируется только версия защиты, а в завершение первой части «судебный репортер» неожиданно предлагает собственную версию, противоречащую судмедэкспертизе: если бы мать Наседкина вызвала бы скорую, то он и не умер бы.

«Судебный репортер» — это сайт «газеты адвокатских историй, журналистских расследований, общественного обсуждения конфликтов» и ютуб-канал, ролики на котором собирают в среднем 300-500 просмотров и посвящены разнообразным темам, иногда не представляющим никакого интереса, например конфликту о межевании земли, где свою версию рассказывает один из участников. Учредителем СМИ значится коллегия адвокатов «Новый Арбат».

Курьянова наткнулась^[25] на «Судебного репортера» когда писала жалобу в одной из интернет-форм. Посмотрев несколько фильмов, она заинтересовалась — прежде всего ее привлекли акценты на том, что репортеры занимаются именно «расследованиями», а не обычными новостями. «Я думала, они докопаются до правды. Думала, что они поедут в эту Сатку, откуда приехал Наседкин, найдут тех, кому он должен, найдут долги в микрозаймах. Но в фильме этого ничего не оказалось в итоге», — жалеет женщина.

На сайте «Судебного репортера» говорится: «Редакция не оплачивает расходы на подготовку публикаций». Что это значит, Елизавета узнала на собственном примере. По просьбе редакции она оплатила не менее четырех поездок из Москвы в Ситцева и обратно и проживание для трех журналистов: оператора и двух корреспондентов.

Главным в съемочной группе был Георгий Алпатов, герой статьи в «Би-би-си» 2017 года, в которой рассказывалось, как мужья похищают детей у своих бывших жен. Из статьи следовало, что он часто оказывался на месте таких происшествий — демонстрируя пресс-карту, требовал выключить камеры видеонаблюдения или как-то еще повлиять на свидетелей происходящего.

Деньги команда Алпатова брала с Курьяновой и за направление жалоб в различные инстанции, например, президенту Владимиру Путину. Ответа на них не последовало.

В декабре 2020 года жалобу Путину написали и матери Катышева и Шалиманова. «Мы просим вас о помощи! Долгое время наших детей, в прямом смысле, выдергивали в отдел полиции с места жительства для работы по уголовному делу. Детям потребовалась помощь психиатра^[26], который назначил им медикаментозное лечение. Они боятся оставаться в доме одни, не посещают учебные заведения, очень страшно за их здоровье. Считаем, что в деяниях работников уголовного розыска и СК есть превышение должностных обязанностей», — писали они.

Ответа на это обращение тоже не пришло.

Редактор: Дмитрий Трещанин

-
1. Часть 4 статьи 111 УК — нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего.
 2. От двоюродной сестры Каримова Виктории Темниковой; орфография здесь и далее сохранена.
 3. Тоже от Виктории Темниковой.
 4. Кристина Сотникова.
 5. Александра Шандаровская.
 6. Связаться с ним «Медиазоне» не удалось.
 7. Судья Нязепетровского суда Челябинской области Татьяна Смольникова.
 8. Такой же наказание просил назначить и прокурор.
 9. Следует из биллинга — детализации телефонных звонков в материалах дела.
 10. На следствии и в суде.
 11. Следователь следственного отдела управления СК по Челябинской области по Нязепетровскому району.

12. Общение между свидетелем и оперативниками, которое не идет в протокол и вообще никак не фиксируется документами.
13. В крови Наседкина не нашли следов алкоголя или наркотиков.
14. Позже Салтыков тоже напишет справку о том, что тот «обладает виновными знаниями».
15. У Владимира Шалиманова тот же диагноз, что и у Никиты Катышева: задержка речевого развития.
16. Статья 51 Конституции позволяет не свидетельствовать против себя и своих близких.
17. В тот же день Курьянова написала заявление в полицию по факту применения насилия к Кочневу, легкие травмы в тот же день фиксировали и медики, но сам Кочнев заявление писать не стал, посчитав, что пострадал несущественно.
18. Ее подписи в протоколе действительно нет.
19. Мать Каримова не смогла предоставить какие-либо документы, зафиксировавшие вес и рост сына на момент возбуждения дела, но никто из свидетелей не спорит с тем, что Максим был скорее худощавого, а не крепкого телосложения.
20. Хасаянова А. В.
21. Ямалов Е. Р.
22. Озерск — закрытое территориальное образование, въезд туда возможен только по пропускам или по местной регистрации; на территории города находится НПО «Маяк», где выпускают в том числе компоненты ядерного оружия.
23. Татьяна Устюгова.
24. Одного зовут Борис Мягков, человек с таким именем есть в реестре адвокатов Челябинской области; фамилию второго Курьянова уточнить не смогла.
25. Вероятно, это был рекламный баннер в браузере.
26. На процессе действительно допрашивался психиатр, который прописал свидетелям транквилизаторы, диагностировав у них тревожно-невротическое расстройство на фоне стрессовой ситуации.